

1941 год. 6 июня. Пятница. Ветер. Небо в прохладных тучах, будто уже конец лета. В Кимрах, где в ту пору я заведовал сельскохозяйственным отделом в редакции районной газеты «Коллективная жизнь», шла «За коммунистический труд», жизнь шла своим обычным, спокойным, трудовым чередом.

И вдруг новость: завтра придет писатель Александр Фадеев. Это, конечно, обрадовало кимряков. Еще был кто-то, а они-то часто с гордостью вспоминали, что в 1901 году в их городе — тогда еще в селе Корчевского уезда — родился человек, которому суждено было стать революционером-партизаном на Дальнем Востоке, а потом большим писателем, обогатившим молодую советскую литературу знаменитым «Разгромом», руководителем Союза писателей, крупным общественным деятелем с мировым именем.

К тому часу, когда стало известно о завтрашнем госте, все четыре полосы очередного, субботнего, номера и внутренние страницы на воскресенье уже были набраны. Кое-что пришлось переверстать. Сгрудившись у стола ответсекретаря Кира Петровой, сотрудницы всех отделов еще раз с призрачным интересом вычитывали каждую строчку.

— Вы по-особому в оба смотрите, — предупредила меня Кира, — в субботнем номере сообщение о приезде Александра Александровича рядом с вашей рецензией на кинофильм «Фронтные подруги», а в воскресенье на литературной странице ваш рассказ рядом с отрывком из фадеевского романа «Последний из удег».

Было и легко, и тревожно. В походах по родным местам, как называл свое знакомство с городом сам Александр Александрович, его сопровождал самый опытный газетчик нашей редакции Александр Никитин, фовесник гостя, заведующий промышленным отделом, хорошо знающий обувное производство, да и сам смолоду сапожных дел мастер. Всюду — и на обувной фабрике, и в промышленной артели, и в учредениях — в беседах с людьми писатель больше слушал, чем говорил; чувствовалось, в словах и делах собеседников он старался понять главные думы народа.

Встреча с читателями была в недавно отстроенном клубе Савеловского механического завода. Гость рассказал о делах советских и зарубежных писателей, кто какие книги написал, ответил на вопросы. Высокий, простой, в сером поношенном пиджаке, говорил он не с трибуны, а стоя у края сцены, иногда жестулировал левой рукой, в которой держал свернутую газету. Все успехи литераторов и литературы им оценивались вернейшим — так он сам подчеркивал — показателем: как произведение воспитывает советский патриотизм. Получалось это у него естественно, без наизадания, убедительно, как само собой разумеющееся. В подтверждение своих мыслей он поднял перед собой газету, добавил многозначительно:

— Самы газеты читаете — знаете. И сделал паузу, она получилась тоже многозначительной, словно для того, чтобы все, кто был в зале, имели возможность каждый по-своему представить мысленно и жизнь Родины, и время, и положение в мире.

На вопросы писатель отвечал кратко, строго и — что особенно чувствовалось — как-то озабоченно, будто носит в своей душе что-то тревожное, невysказанное, но, прочуствовавшись, Нам, газетчикам, было что записать и намотать на ус.

— Ваша главная мечта? — прочитал

он вопрос в записке. Посмотрел в зал, признался: — Подольше бы жить без войны. Чтоб мир и лад был между народами.

Никто тогда еще не знал, что мирная жизнь будет продолжаться только две недели. В печати спокойно и деловито освещались созидательные дела Отечества. Об этом можно судить хотя бы, например, по названым статей в той же Кимрской газете от 7 июня: «Шире размах экономического самообразования», «На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке», «Начался призыв в школы ФЗО», «Дружно подписались на новый заем», «Образование Народного Комиссариата станкостроения в СССР». Объявления в газете пригласили в Кимрский драматический театр на спектакль «Царь Федор Иоанович» и в клуб промкооперации, где продолжались гастроли Калининского театра музыкальной

— Кто из писателей — ваши ученики?

— Все учимся друг у друга. Закончить четвертую книгу романа «Последний из удег» о становлении новой жизни на восточной окраине России так и не удалось. Отечественная война повелела писать накаленные любовью к Родине и ненавистью к врагу статьи, очерки и уже не тот, а другой роман — «Молодую гвардию», о патриотах оккупированной, но не сдавшейся Украины; героическое повествование, ставшее сразу и остающееся поныне настольной книгой молодежи, художественным учебником жизни, наукой побеждать. К слову, роман печатался в «Комсомольской правде» главами, «шел в номер», не будучи законченным.

Не уверял, бывал ли он в Кимрах в годы войны, когда колесил, неутомимый, по близким и дальним фрон-

тают большие низковольтские теп-

лоходы. Отвечая на вопрос одной учительницы, у кого из писательниц есть хорошие книги с воспитательным содержанием, Фадеев подчеркнул: долг каждого писателя, чтобы книги имели воспитательное значение. Посоветовал прочитать рассказы Ольги Зинь «Твои друзья», заметил: «Верю в ее дар, напишет ценные вещи; следите за этим именем». Тогда, помнится, редко кто знал сотрудницу «Комсомольской правды» Ольгу Максимовну Зинь (1904—1963), но — и это делает честь писателю-коммунисту — ее творческое мужанье было в его поле зрения. Предвидение старшего коллеги оказалось верным. Через несколько лет писательница порадовала читателей поучительными книгами «Счастливое детство», «Горячий час», «На глубоких горизонтах», «Вам доверяются люди» о духовном росте и благо-родстве юных соотечественников, о раскрытии нравственных основ характера человека, что Фадеев высоко оценил при оценке литературного труда — и своего, и собратьев по перу. Однако строгий к себе и друзьям, он вообще не мыслил писательскую работу без учета социальных и исторических закономерностей развития общества.

Тогда дважды судов по каналу Москва — Волга уже стало регулярным, кимряки радовались, что к их пристани причаливают теплоходы из столицы, из разных мест. Выпуская к пристазу Фадеева литературную страничку, газета напечатала песенку своего кимрского поэта Арсения Ошкункова «Новая Волга» с такими бодрими куплетами: «На Московском мбере в дымке голубой пароходы спорят с высокою волной. Веселые матросы со всех морей курят папирсы у пристани моей». Побеседовать в кругу всех сотрудников редакции гостю не удалось, времени не хватило; свое мнение о газете высказал редактор Ивану Васильевичу Плахову. Похвалил, что газета участница Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

После, в годы работы в центральных газетах, мне не раз приходилось встречаться и беседовать с Александром Александровичем, бывать на заседаниях, где он выступал то со спокойными, то с гневными речами, но кимрская встреча запомнилась ярче всех. Так, видимо, запомнилась первая встреча, когда обретаешь новые хорошие чувства и хорошие мысли. А сила его, фадеевских, чувств и мыслей была магнитна и покоряюща. Разве можно не задуматься над тем, что надо делать, чтобы, говоря его словами, подольше жить без войны?

Все, с кем встречался А. А. Фадеев, сохранили о нем задушевную память, радость бесед.

Летом 1981 года за несколько месяцев до его 80-летия ко мне специально приехал, уже старик, разменявший девятый десяток лет, персональный пенсионер В. Е. Днез с просьбой:

— Напишите о Фадееве — как бывал у меня, чем занимался, что говорил. — Помолчал взволнованно, добавил страстно: — Он же такой — на всю жизнь в памяти остался.

— О своих с ним встречах, — признался я, — конечно, напишу. А вот о ваших встречах — лучше сами напишите. У вас уже и заголовок воспоминаний есть...

— Какой?

— Сами только что сказали: на всю жизнь в памяти.

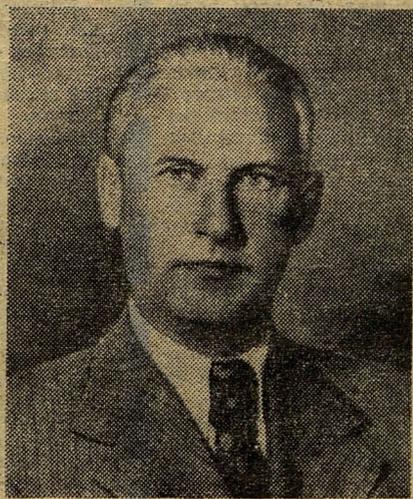
— Пожалуй, верно, напишу. Да, о нем еще многие вспоминают, кто знал его. — О Коммунисте, Писателе, Человеке с большой буквы.

Петр ДУДОЧКИН.

К 80-летию со дня рождения А. А. Фадеева

СИЛА ЧУВСТВА

(ИЗ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ)

комедии. Но зарубежная хроника вызывала тревогу. Фашизм уже воювал в Европе и в Африке.

С той поры минуло сорок лет. Вспоминая ту предвоенную встречу с Фадеевым, вдумываясь в его слова о важности оберегания мира, о «вернейшем показателе» в делах человека — прочуствовать и обрести в самом себе дух советского патриотизма, приходишь к выводу йерушиму: если это было важно тогда, то не менее — если не более — важно и ныне, когда у противников миролюбия оружие неизмеримо смертоноснее, чем было, о чем советские руководители напоминают постоянно, предусмотрительно.

На некоторые вопросы писатель отвечал бегло, но с тактом, добрым голосом, степенно:

— Когда закончите роман «Последний из удег»?

— Чего не знаю — того не знаю.

— Когда еще приедете в Кимры?

— Что приеду — это обязательно, а когда... — развел руками.

товым и тыловым дорогам с удостоверенном корреспондента «Правды», по после победы над фашизмом, знаю, приезжал вместе с писателем Федором Ивановичем Панферовым, чтобы отдохнуть денек-другой на охоте в приволжских перелесках. Остановившись не в гостинице, а у старшего работника юстиции Василия Семеновича Шевыгина (ныне он персональный пенсионер, живет в Кимрах, ул. Розы Люксембург, 3, кв. 5), которого с автором «Брусков» связывала давнишняя дружба. Ездил Александр Александрович к тверским друзьям и в другие районы. Последние годы своей жизни любил отдыхать не с ружьем за плечами, как смолоду, а с удочкой в руке где-нибудь в укромных заводях Московского моря, в Ишихинских и Шошинских заливах, неподалеку от поселка Редкино; там, случалось, жил неделю-другую в гостеприимном домике директора местного завода В. Е. Днеза, с которым учился в Горной академии. Друзья писателя неосиусемо гордятся книгами, подаренными им с надписями. На титульном листе дополненного и переработанного издания «Молодой гвардии» читаю четким почерком выведенные слова: «Дорогу Владимиру Ермолаевичу Днезу на добрую память. А. Фадеев. 6/11—52»

Когда после встречи с читателями в Савелове мы шли в город по понтоному мосту через Волгу, кто-то, кажется, А. Д. Никитин, — попросил помочь походатайствовать — не пора ли в Кимрах мост постронть? Фадеев промолчал. То молчанье запомнилось, но стало понятным позже, когда началась война, знал: стране не до таких расходов. Будь он жив, вспомнил бы, может, о том далеком разговоре и наверняка восхитился бы открытым в 1978 году грандиозным мостом, под которым величаво проплы-